

- ных статей. – Ч.2. – Смоленск, 1998. – С.95–100; Петренко А.Д. Социофонетическая вариативность современного немецкого языка в Германии. – Дисс. ... доктора филол. наук: 10.02.04. // – Киев, 1999 г. – 453 с.; Курченко Л.Н. Современные тенденции фонетической ассимиляции англоамериканских заимствований в студенческом социолекте немецкого языка (социолингвистический аспект). Дисс...канд. филол. наук: 10.02.04. – Киев, 1994; Исаев Е.Ш. Тенденції розвитку соціолекту школярів Німеччини // Вісник Київського державного лінгвістичного університету, Серія «Філологія». – Київ, 1997. – Вип. 3. – С.161–169.; Прокопова Л.І., Тоцька Н.І. Соціофонетичний нарис українського мовлення сучасної молоді // Мовознавство. – № 3. – Київ, 1990. – С.17; Прокопова Л.І. О фонетических стилях в немецком языке // Культура народов Причерноморья. – № 19. – Симферополь, 2001. – С.41–44.
6. Бухаров В.М. Варианты норм произношения современного немецкого литературного языка. – Н.Новгород, 1995. – 138 с.
 7. Соколянский А.А. Орфоэпия и социофонетика // Язык: изменчивость и постоянство. – Сборник статей. К 70-летию Л.Л.Касаткина. (Отв. ред. М.Л.Каленчук). – М., 1998.
 8. Лабов У. Единство социолингвистики // Социально-лингвистические исследования. – М.: Наука, 1976. – 232 с.
 9. Gauchat L. L'unité phonétique dans le patois d'une commune. // Aus romanischen Sprachen und Literaturen: Festschrift Heinrich Morf. – Halle, 1905.
 10. Hermann E. Lautveränderungen in der Individualsprache einer Mundart // Nachrichten der Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen phil. - his. KL. 1929. – V. 11.
 11. Чернышев В.И. Законы и правила русского произношения // Избранные труды. – В 2-х т. – Т.1. – М., 1970.
 12. Аванесов Р.И. Русское литературное произношение. – 6-е изд. – М., 1984.
 13. Прокопова Л.І. Соціолект школярів і німецька літературна вимова // Мови європейського культурного ареалу. Розвиток і взаємодія. – К.: Довіра, 1995. – С.163–168;
 14. Labov W. Sociolinguistic Approach to the Problem of Normalisation // Proceedings on the Ninth International Congress of Phonetic Sciences. – Copenhagen. – V.1, 1979. – P. 441.
 15. Панов М.В. Современный русский язык. Фонетика. – М.: Высшая школа, 1979. – 241 с.
 16. Каленчук М.Л. О фонетической обусловленности и орфоэпической прикреплённости // Проблемы фонетики. – I. Сб. статей. – М., 1993.
 17. Журавлев А.П. Фонетическое значение. – Л., 1974.

Кислицына Н.Н.

АНТРОПОЦЕНТРИЧНЫЙ ПОДХОД В ЭКОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Проведение исследований в области лексической семантики часто приводит к необходимости определения общенаучного понятия – антропоцентричный подход (АП). История становления термина антропоцентризм в лингвистике представляет определенный интерес, т. к., с одной стороны, отражает эволюцию отношения человека/общества к окружающему миру, с другой стороны, выявляет проблему патологических изменений в системе «общество – человек – природа».

Дефиниция данного термина развернуто и последовательно дается в одноименной статье В.М. Алпатова, в которой автор анализирует соотношение антропоцентричного и системоцентричного подходов [1, с.15–26]. Позволим себе суммировать некоторые базовые положения относительно первого:

- основной вопрос, который решает исследователь при антропоцентричном подходе – какие свойства имеют те или иные единицы языка (характеристика значения слова, его отличия от близких по смыслу, но не тождественных слов);
- антропоцентричные «определения» частей речи целиком семантически, либо включают семантический компонент (предметность для существительного, качественное значение для прилагательного и т.д.);
- антропоцентризм соотносится с языковым чутьем, представлениями, точкой зрения (позицией), ассоциациями, лингвистической интуицией носителя языка;
- антропоцентричный подход исторически первичен по отношению к системоцентричному;
- недостатком антропоцентричного подхода являются невозможность принципиальной проверки результатов исследования, а также неадекватность конечных итогов, решений антропоцентрических исследований, выполненных в рамках разных лингвистических традиций.

Таким образом, отмечает автор, «говоря о двух подходах (антропоцентричном и системоцентричном – вставка наша. – Н.К.), мы имеем дело с фундаментальным принципом дополнительности» [1].

Показательно то, что многие ученые, придерживавшиеся определенных направлений в лингвистике, критически высказывались об АП. Так, И.А. Бодуэн де Куртене известный сторонник психологизма в языкознании, апеллировавший к «языковому чутью» («Сущность человеческого языка исключительно психическая. Существование и развитие языка обусловлено чисто психическими законами») призывал к «искоренению предрассудка, называемого антропоцентризмом (разрядка наша. – Н.К.)» [4, с.143–202]. Негативное отношение к антропоцентризму прослеживается и у Леонарда Блумфильда [3]. Почему ученые, признававшие психическую природу языка, его тесную взаимосвязь с человеком и социумом, так последовательно отвергали антропоцентризм? Видятся, по крайней мере, две возможные причины этого неприятия. Во-первых, психологический подход того времени основывался более всего на индивидуальной пси-

хологии, психологии, которая была максимально приближена к естественнонаучной, физиологической проблематике. Во-вторых, сам термин антропоцентризм трактовался как «предвзятое», заранее предопределенное отношение исследователя к языку, в то время как предполагалось, что ученый должен придерживаться системоцентричных взглядов и стремиться к рассмотрению языка как внешнего по отношению к исследователю явления. Однако, с 20-х гг. XX века «абстрактный объективизм» [5] начинает подвергаться серьезной критике и, в первую очередь, за невозможность ответить на вопросы, связанные с «человеческим фактором» в языке. Подобную критику в адрес структурализма, многие направления которого проповедовали отказ от антропоцентризма, высказывал и японский языковед Мотоки Токиэда, который отрицательно относился к «отходу лингвистики XX века от антропоцентризма, рассматриванию языка целиком со стороны как чисто объективного явления» [9].

В наше время антропоцентричный подход вновь вызывает повышенный интерес лингвистов. Достаточно сказать, что даже в таком консервативном направлении как лексикография, где абсолютно преобладает лингвоцентрический подход, одним из перспективных направлений развития представляется именно антропоцентричное: «Антропоцентрический подход ... распространяет свое действие не только на решение всех вопросов лексикографической теории и практики, но и на понимание многих собственно лингвистических установлений» [8, с. 133]. Значение антропоцентрического фактора для решения лингвистических проблем трудно переоценить, т. к. «язык существует в человеке для человека и реализуется через человека, поэтому для понимания его устройства и функционирования первостепенное значение имеет учет взаимодействия трех элементов: языковых форм, самого человека с его мышлением и психологией и внеязыковой действительности» [6, с. 369].

Логичным представляется продолжить данную статью цитацией работы В.М. Алпатова «Сто лет спустя, или сбываются прогнозы», которую от первой, посвященной антропо- и системоцентризму, отделяет десять лет [2, с. 114–121]. В данной работе ученый проводит последовательный анализ 17 пунктов лингвистических прогнозов, составленных И.А. Бодуэном де Куртене в 1901 году. Среди трех «несбывшихся совсем» отмечен прогноз об искоренении антропоцентризма. Развитие лингвистической науки конца двадцатого века и начала двадцать первого свидетельствует в пользу того, что этот прогноз не оправдывается.

Задача нашей статьи состоит в том, чтобы не только прокомментировать изменения трактовки термина антропоцентризм, которые произошли во время его функционирования в области лингвистики, но и попытаться объяснить, с позиций новых направлений языкознания, под каким углом зрения, возможно, виделось И. А. Бодуэну де Куртене и другим противникам антропоцентризма данное понятие и почему они призывали «искоренить» его. Приведем высказывание ученого в полной форме: «Понятие развития и эволюции должно стать основой лингвистического мышления. Это должно привести его ipso к искоренению предрассудка, называемого антропоцентризмом, предрассудка, *вырывающего человека из среды других живых существ, а также к освобождению от мании величия* (курсив наш. – Н.К.), заключающейся в том, что строение «наших» языков считается вершиной морфологического развития в языковом мире». Выделенные курсивом слова могут быть приняты в качестве одного из основных, исходных положений для молодого, актуального, комплексного направления языкознания – эколлингвистики [7, с. 42–45], которая наряду с другими вопросами рассматривает и языковую манифестацию проблемы дистанцирования человека от окружающей среды. Такое понимание «несбывшегося совсем» прогноза ученого об искоренении антропоцентризма свидетельствует в пользу правильности его предвидения, правильности, граничащей с гениальностью.

Источники и литература

1. Алпатов В. М. Об антропоцентричном и системоцентричном подходах к языку // Вопросы языкознания. – № 3. – М., 1993.
2. Алпатов В. М. Сто лет спустя, или сбываются прогнозы // Вопросы языкознания. – М., 2003. – № 2.
3. Блумфильд Л. Язык. Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1968.
4. Бодуэн де Куртене И. А. Избранные труды по общему языкознанию: В 2 т. – Т. 1. – М., 1963.
5. Волошинов В.Н., Бахтин М.М. Марксизм и философия языка. – М., 1993.
6. Гак В. Г. Языковые преобразования. – М., 1998.
7. Кислицына Н.Н. Эколлингвистика – новое направление в языкознании // Культура народов Причерноморья. – Симферополь, 2003.
8. Морковкин В. В. Антропоцентрический versus лингвоцентрический подход к лексикографированию // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре. – М., 1988.
9. Токиэда М. Основы японского языкознания // Языкознание в Японии. – М., 1983.